

СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ШАРГУНОВА

ANNA A. TIMAKOVA

SPECIFICITY OF THE CATEGORY OF TIME IN THE SERGEI SHARGUNOV'S AUTOBIOGRAPHICAL WORKS

В статье исследуются механизмы соотношения в творчестве Сергея Шаргунова документализма и принципов художественного повествования. Документализм как один из принципов поэтики нового реализма, к которому относятся произведения писателя, воплощается в том числе в автобиографизме не просто как методе сюжетостроения (Е. О. Новикова), но и средстве создания «знаковой» истории о себе (А. И. Богатырева). Ценность такой истории для новых реалистов очевидна, поскольку через нее транслируется гуманистическая идея ценности личности. Однако автобиографическая проза С. Шаргунова в этом ряду выглядит несколько иначе. Целью работы явилось стремление определить специфику соотношения времени личного и исторического как одну из причин сложности автобиографического дискурса писателя. Материалом для исследования послужили произведения С. Шаргунова «Книга без фотографий» и сборник «Свои» (более подробно проанализирован рассказ «Последнее лето СССР»). Применялись общенаучные методы исследования — наблюдения, обобщения, интерпретации, описания, а также герменевтический и сравнительно-исторический методы. При анализе особенностей реконструкции биографического времени в «Книге без фотографий» было определено, что автобиографизм как инструмент рефлексии необходим герою не только для анализа прошлого, но и для укоренения в настоящем, что невозможно вне историко-культурного контекста. Начинаясь как роман воспитания, книга меняется уже к середине — усиливаются социальные мотивы, появляются публицистические интонации, время личное, биографическое, оставаясь сюжетным стержнем произведения, сливается с историческим. Автобиографический сюжет в рассказах сборника «Свои» нужен Шаргунову не для реализации мемуарной задачи, а для выражения личного опыта постижения или открытия чего-либо, значимого для многих. В рассказе «Последнее лето СССР» этому помогает сопряжение нескольких временных пластов — универсального, личного, исторического и надвременного (толстовская линия в повествовании). Полученные научные результаты являются личным вкладом автора статьи в решение задачи определения конститутивных признаков автобиографического дискурса С. Шаргунова.

Ключевые слова: новый реализм; автобиографизм; категория времени; роман воспитания; Сергей Шаргунов.



**Анна Александровна
Тимакова**

Кандидат филологических наук, доцент

► anna.a.timakova@gmail.com

Пензенский государственный университет
440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40

Anna A. Timakova

Penza State University

40, ul. Krasnaya, Penza, Russia, 440026

The article explores the correlation between fidelity to the documents and the principles of artistic narration in Sergei Shargunov's works. Fidelity to the documents as one of the principles of the poetics of New Realism, to which the works of the writer belong, is embodied, among other things, in autobiography not just as a method of plot construction (E. O. Novikova), but also as a means of creating a "sign" story about oneself (A. I. Bogatyreva). The value of such a story for the New Realists is obvious, since the humanistic idea of the value of the individual is transmitted through it. However, Shargunov's autobiographical prose in this series looks somewhat different. The aim of the work is to determine the specifics of the relationship between

personal and historical time as one of the reasons for the complexity of the writer's autobiographical discourse. The material for the study was the works by Shargunov "A Book without Photographs" and the collection of stories "Our" (the story "The Last Summer of the USSR" was analyzed in more detail). The author uses general scholarly research methods, such as observations, generalizations, interpretations, descriptions, as well as hermeneutic and comparative historical methods. When analyzing the features of the reconstruction of biographical time in "A Book without Photographs", it was determined that autobiography as a tool of reflection is necessary for the hero not only to analyze the past, but also to take root in the present, which is impossible outside the historical and cultural context. Starting as a novel of education, the book changes already towards the middle; social motives intensify, journalistic intonations appear, personal, biographical time, remaining the plot core of the work, merges with the historical one. Shargunov needs an autobiographical plot in the stories of the collection "Our" not to realize a memoir task, but to express personal experience of comprehending or discovering something significant for many people. In the story "The Last Summer of the USSR", this is helped by the conjugation of several temporal layers, namely universal, personal, historical and transtemporal (the Tolstoy line in the narrative). The obtained scholarly results are the personal contribution of the author of the article to the solution of the problem of determining the constitutive features of Shargunov's autobiographical discourse.

Keywords: New Realism; autobiography; category of time; novel about parenting; Sergei Shargunov.

Введение

Творчество Сергея Шаргунова относится к поэтике нового реализма, одним из важнейших признаков которого является присутствие в тексте образа автора, причём часто биографического. Причиной этого критики называют изменение принципа художественного осмысления действительности последних лет: от игровой модели мира в постмодернизме к натуралистичности описаний и злободневности тем. Очень точно об этом сказала Жанна Голенко: «Подлинность субъективного, а не истина объективного — вот вектор нынешней игры. Отсюда смена универсального опыта жизни опытом индивидуальным — story, главенствующая над history, как вариант литературной энтропии хаоса» [Голенко 2013]. Произведения Шаргунова отвечают этому тезису, не просто утверждая ценность личного мира («Книга без фотографий», 2011), но расширяя его до пространства своей страны («Свои», 2018). Так, «Книга без фотографий» представляет собой сборник рассказов-

воспоминаний о том, что составляет жизнь любого человека: о детстве, первой любви, рождении первенца, работе. В сборнике «Свои» встречаем «логическое продолжение уже начатой писателем темы родовой памяти» [Петровичева 2018]: с воспоминанием об отце соседствуют рассказы о жене и сыне, зарисовка о депутате, эссе о В. П. Катаеве.

Что же делает неуниверсальный опыт одного человека уникальным для многих? На этот вопрос ответил сам писатель: «Иногда мне кажется, что точность — это начало творчества, то есть созидания. Точность всегда аukaется с вечностью. Точность позволяет достигать таких высот и глубин, которые и отличают настоящую вневременную, пусть бы и остро современную, литературу от любой, самой хлесткой публицистики» [Шаргунов 2019]. Действительно, точность наблюдений и описаний вкупе с уровнем художественных обобщений выводят тексты Шаргунова в авангард современной литературы, оставляя вопрос о природе его художественного метода открытым. Даже в рамках поэтики нового реализма я-повествование героя Шаргунова (или Шаргунова-героя) отличается от автобиографизма героя З. Прилепина, Р. Сенчина, А. Аствацатурова особым характером категории времени. **Целью** настоящей работы явилось стремление определить специфику соотношения времени личного и исторического как одну из причин сложности автобиографического дискурса писателя.

Состояние изучения вопроса

Своеобразие творческого метода С. Шаргунова привлекает внимание критиков и исследователей. О. Демидов в рецензии на сборник «Свои» характеризует его следующим образом: «Самое же главное в писательской оптике Шаргунова <...> — работа на стыке fiction и non-fiction. Получается этакое сочетание строгой фактологии с художественной интерпретацией всего остального» [Демидов 2018]. Правда факта «облекается» в «вымысел», приобретая форму и признаки художественного текста так же, как достоверность отображения морально-нравственных категорий при вымышленных сюжетах и героях выводит ху-

дожественное произведение на уровень общезначимого духовного опыта, человеческой правды. Именно поэтому отделить в произведениях мемуарного, автобиографического характера fiction от non-fiction бывает сложно.

М. В. Кульгавчук, анализируя творческую эволюцию С. Шаргунова, называет сборник «Свои» «эпохой в лицах» [Кульгавчук 2020], сравнивая его содержание с комментариями к семейным фотографиям. Подобная жанровая модификация уже была опробована писателем в «Книге без фотографий» и реализует такие признаки художественной эстетики новых реалистов, как достоверность, фрагментарность и бытописание. Вопросы жанра этих произведений у новых реалистов остаются вторичными. Так, «Книгу без фотографий» писатель именуется художественным произведением несмотря на то, что она полностью основана на реальных событиях. Размышляя о характере автобиографизма этого произведения, исследователь А. И. Богатырева приводит слова Шаргунова о том, что «книга <...> наводит на разные размышления, и каждый может сделать свои выводы» и заключает: «Выводы этот читатель должен сделать вовсе не об облике автора или его тяжелом жизненном пути, а как раз о себе, о своей стране. Мемуары приобретают обобщающий художественный смысл. Очевидно, что писателю хотелось бы сделать историю о себе не просто захватывающей, но знаковой, идейной» [Богатырева 2014]. Тезис про обобщающий художественный смысл мемуаров важен для понимания логики идейно-художественной эволюции писателя и основ жанровых модификаций его произведений.

С указанными А. И. Богатыревой особенностями автобиографических книг С. Шаргунова связан выделенный М. В. Селеменевоу признак его автобиографического героя — праведничество и странничество: «Праведничество героя заключается в служении идеалам правды и справедливости <...> Именно в поисках правды герой едет в путешествие...» [Селеменева 2019]. Герой такого типа, транслируя вечные ценности и защищая идеалы семьи/рода/родины, значительно усиливает «обобщающий смысл» мемуаров. И тогда писатель перестает быть только «храни-

телем родового эха» [Рудалев 2018], а выполняет кумулятивную функцию литературы — сохранить и передать главное. Вопрос о творческом методе в данном случае касается выявления способов отбора и фиксации материала действительности.

Методы

Для работы использовались метод наблюдения, позволяющий отслеживать социокультурный процесс в его развитии; метод обобщения, направленный на систематизацию собранной по теме информации; метод интерпретации для истолкования результатов наблюдения; герменевтический метод для выявления смыслов литературного текста; метод описания, цель использования которого — фиксация данных об объекте исследования; сравнительно-исторический метод, позволяющий установить внутрилитературные связи на уровне страны в их исторической динамике.

Особенности реконструкции биографического времени в «Книге без фотографий»

В 1995 году Лев Рубинштейн опубликовал поэму «Это я». Ее содержание составляют надписи к семейным фотографиям и комментарии героя, детализирующего изображенное. Включены в композицию и лирические отступления о том, что фотоаппарат отобразить не в состоянии. «Картотека Рубинштейна, — пишет критик А. Рябчикова, — является таким реестром памяти с одной оговоркой: поэт коллекционирует не образы или вещи, но интонацию, личное отношение воспринимающего субъекта к ним» [Рябчикова 2014]. Логика построения Шаргуновым «Книги без фотографий» похожа — произведение состоит из 15 глав биографического характера, устных «фотографий» моментов, вспышек, как их иногда называет автобиографический герой. Но если Рубинштейн не выбирает фрагменты из потока жизни, а складывает «Я» из них, то Шаргунов останавливается на, видимо, знаковых для себя событиях: «Мое советское детство», «Как я был алтарником», «Школы» и так далее. Тем не менее, принцип «коллекционирования» воспринимающим субъектом личного отношения к изображаемому во многом определяет семантику реконструкции им биографического времени.

Эту книгу, с определенной долей условности, можно назвать романом воспитания — его содержанием также является «внутренняя жизнь героя, постепенное формирование и самоопределение его как личности, поиски возможностей самореализации в обществе» [Поэтика 2008]. Вот герой рассказывает о себе-подростке: 1993 год, баррикады... В этой главе формально противопоставляются («Я враждовал с Советским Союзом всё детство, не вступив в октябрята — первым за всю историю школы. И в пионеры тоже не вступил»), а по сути соединяются в биографическом времени героя два времени исторических: «И все же мне жаль Родины моего детства <...> Осенью 93-го, хотя уже было поздно, подростком я возвращал долг Советскому Союзу. Убежал из дома, бросился на площадь» [Шаргунов 2011]. В мировосприятии героя переплетаются реальность историческая и биографическая («И вот, в свои четыре, в год смены Андропова на Черненко, на светлой седмице я первый раз вошел в алтарь»), причём последняя первой обусловлена лишь отчасти. Формирование автобиографического героя Шаргунова в детские и подростковые годы главным образом происходит в семье. Его воспоминания о ней лишены сладких ностальгических интонаций, пафоса достойного сына уважаемых родителей. О родителях герой говорит нечасто, но по этим характеристикам можно понять — ту моральную, духовно-нравственную основу жизни, которую он получил в семье, влияние внешних обстоятельств вытеснить не сможет. Главы «Бабушка и журфак», «Болбасы» нас в этом убеждают — рассказ о жизни студента, журналиста, начинающего писателя неразрывно связан с ощущением им дома как опоры.

Не избегает герой и фазы бунтарства: «Написав три книги и получив две премии, я создал свое движение и стал бунтовать на улице. Я бунтовал «за волю, за лучшую долю». Бунт всегда был для меня ветром. Ветром, потому что ветер особенно силён на бегу. А я, бунтуя, непременно бежал — и в атаку, и при отступлении» [Шаргунов 2011]. Мы видим, что протест молодого героя не имеет идеологического обоснования, он стихичен, как порыв любого молодого человека, — против всего плохого и за всё хорошее. М. В. Селеме-

нева называет это «экзистенциальным бунтом», но, кроме того, подчёркивает стремление героя почувствовать себя «неотъемлемой частью своего поколения, разделить его тревоги и отчаяние» [Селеменова 2019]. Желание «мутить бунт» [Шаргунов 2011] соотносится с желанием выразить себя, явить социуму свой голос. Автор романа это понимает: «О, революция, левая подруга! Я отдал немало молодых сил нашему беззаконному бегу, изменяя размеренным движениям» и возвращается домой, туда, где «ужин, детский смех, халат, семейный альбом» [Шаргунов 2011]. Но это только начало истории его становления.

К середине «Книги без фотографий» фокус изображения смещается: в повествовании меняется соотношение внутреннего, глубоко личного, порой интимного, и социального. Жанровые признаки романа воспитания здесь нивелируются, поскольку его центральной темой должно быть «утверждение ценности автономной личности» [Поэтика 2008], тогда как в произведении всё более громко начинают звучать мотивы общественно значимые, с которыми неразрывно будет связана дальнейшая жизнь героя. Его самореализация отныне обусловлена стремлением «делом народу помочь» [Шаргунов 2011]. Причём исключение героя из кандидатов в депутаты способствует его внутреннему росту.

Путешествие героя по России связано с поисками правды («Как герой сказки, я искал правду. Хотел узнать что-то важное, чтобы жить дальше» [Шаргунов 2011]), и в этой части книги «автобиографизм и злободневность подпитывают друг друга, выливаясь в публицистичность» [Богатырева 2014]. Герой рассказывает о поездках в Чечню, Осетию, Грузию, словно делая дорожные зарисовки: «Город плыл мимо во всем своем великолепном бардаке. Заново отделанные фасады многоэтажек, искристый фонтан, новенькая плитка тротуаров, ёлочки, колоссальный бетонный остов будущей мечети. И рядом — многоэтажки, разрушенные бомбами, бурьян...» (Грозный. — А.Т.); «Цхинвали! Я сел на пыль, в гильзы. Был день победы. Только-только грузин сломали. Грузия начала отступать. В городе не было еды и не хватало воды, но было вино. Сладкое и сильное, оно лилось,

смывая кровь» [Шаргунов 2011]. Впечатления от увиденного, да и сам окружающий мир, раздёрванный на части, соответствуют внутреннему состоянию героя: «Мне казалось, что я один-одинёшенек и что могу сейчас читать будущее. Через час, например, я буду на волоске от смерти и всё же спасусь, а однажды не спасусь. Я читал будущее без сожалений и интереса, как будто всё, что могло, уже состоялось. Как будто я не ничтожный смертный, а зеленоватая звезда над горами» [Шаргунов 2011]. Это уже сопричастность не историческому, но бытийному.

Заканчивается роман главой «Воскресенки», где, почти по-толстовски, герой получает ответ на главный вопрос «Как жить-то?»: «Волodyа раскрыл в улыбке рот, где не было половины зубов: — Мышцу качай! Отжимайся. Бегай. Приседай. Я вот со своим хозяйством качаюсь — там вскопаю, здесь выкошу, и сердце радуется! — И это все? — Это для начала! — Последний крестьянин деревни Воскресенки отвернулся и пошел к кладбищенскому выходу» [Шаргунов 2011]. Нехитрая модель организации биографического времени и пространства, по которой, собственно, и жил автобиографический герой, вернувшись в Москву, в финале книги звучит универсальным рецептом возвращения каждого из нас к себе.

«... Книга эта, наверное, еще продолжится» — говорит герой этого романа, осознавая необходимость для себя мысленно возвращаться к событиям и людям из прошлого. Как пишет С. В. Волошина, через автобиографический дискурс «создаётся соотношение субъективной и объективной истории» [Волошина 2014]. Автобиографизм как инструмент рефлексии необходим герою не только для анализа прошлого, но и для укоренения в настоящем, что невозможно вне историко-культурного контекста.

Структура категории времени в рассказе «Последнее лето СССР» (сборник «Свои»)

«Книга», действительно, продолжилась в 2018 году сборником рассказов «Свои». А. Рудалев указал на ее перекличку с довлатовским сборником «Наши» (1983) [Рудалев 2018] — также произведением автобиографического характера.

Героями рассказов С. Д. Довлатова являются близкие ему люди, и ощущение неразрывности связи с ними особенно остро было необходимо писателю в эмиграции, где и создавался этот сборник. Социальный контекст книги С. Шаргунова шире. Свои — это не только семья, близкие по духу люди, но и не близкие тоже, потому что «всех жалко» [Шаргунов 2018] — национальная формула *сочувствования*, когда сострадание приходит вслед за пониманием причин.

Отталкиваясь от мысли о том, что повествование в литературе развивается «по законам внешней (хронологической) последовательности и внутренней (каузальной) обусловленности настоящего и будущего — прошлым» [Литературная энциклопедия 1935], проанализируем структуру временной ткани одного из рассказов сборника «Последнее лето СССР». В экспозиции повествования даны время и место действия, легко узнаваемые теми, кто проводил августовский месяц школьных каникул на даче или в деревне. Август, щедрый на плоды, открывающий низкое ночное небо, в восприятии героя становится ключом к «Войне и миру»: «Ослепительное прояснение, спровоцированное ясной погодой, открыло толстовский мир, который не даст никакой литературовед» [Шаргунов 2018]. Причем «толстовский мир» в контексте этого рассказа — это не столько поэтика романа-эпопеи, но ощущение глубины, всеохватности, полноты мира, отображённого писателем и воспринимаемого героем здесь и сейчас: «В этом простецки-изыщном, солнечно-затуманенном толстовском мире я поехал на велосипеде за арбузом. Я ехал по страницам Толстого. Август, торжественно окружавший, огрубевшая за лето зелень <...> Толстой пребывал везде» [Шаргунов 2018]. Универсальный временной план, августовское лето, неразрывно связан здесь с планом надвременным, толстовским, таким же вечным, как ночное время августа, но содержательно иным — с ним соотносится далее всё, что будет происходить с героями.

Событий в рассказе мало: встреча с девочкой Жанной, которая нравилась герою, его драка с «врагом» — задирой Сирэ, появление отца девочки, который разнимает дерущихся, и эпи-

лог — окончание истории с Сирэ, чтения «Войны и мира», августа... Событийная линия в тексте не главная. Анализируя особенности развития нового реализма, Е. О. Новикова пишет об увеличении у писателей интереса к собственной жизни, когда «автор становится героем, пропуская через себя события, происходящие в мире. Автор креативно использует воспоминания и собственный житейский опыт. Автобиографизм становится методом сюжетостроения» [Новикова 2019]. Автобиографический сюжет в этом художественном произведении нужен Шаргунову не для реализации мемуарной задачи, а для выражения личного опыта постижения или открытия чего-либо, значимого для многих. В рассказе «Последнее лето СССР» этому помогает сопряжение нескольких временных пластов — универсального, личного, исторического и надвременного.

К «личному» времени отнесём историю дачной мимолетной увлечённости. Девочка Жанна нравилась герою, и это вполне осознаваемое им, одиннадцатилетним, чувство так и осталось бы фоновым, если бы не их случайное столкновение на дороге. Из разговора подростков узнаем более точные детали времени исторического: «Такие события! Коммунистов победили. Ты знаешь? — Ну да, — она поскучилась. — Папа говорит: теперь плохо будет» [Шаргунов 2018]. Появившись в кульминационный момент драки героя и Сирэ, разняв их, отец по дороге домой говорит дочери о потере им работы. От него «оглушительно пахло выпивкой», костюм на нём измят и заляпан, и в целом его образ похож на обломок части чего-то целого, бывшего раньше важным. В эпилоге герой, приводя все линии того лета к логическому завершению, говорит о том, что позже отец Жанны «нашёл себя в бизнесе», добавляя еще одну узнаваемую деталь к картине исторического времени.

В сборнике «Свои» много таких деталей — фактографии и зарисовки мировосприятия людей рубежного для страны периода девяностых-нулевых годов. Так, например, в рассказе «Русские на руинах» руинами предстают не только бывший тракторный и сахарный заводы, но «остатки той жизни, которая одним дорога, а другим кажется ненужным мифом» [Кульгавчук 2020]. Отчасти

финал рассказа «Последнее лето СССР» способствует такой мифологизации, ведь будущее его героев осталось там, в августе: «Его, это будущее, сложившееся и зрелое, как август, не взяли с собой, забыли за поворотом, и оно ноет там, и бродит, и никогда не оставляет в покое» [Шаргунов 2018]. Ощущению временного разрыва способствует и название рассказа — не последнее лето в стране, а «завершение» страны, эпохи, исторического отрезка времени. Но прошлое в любом случае обусловливает настоящее и будущее. В рассказе эта обусловленность не явлена очевидно, наоборот, подчеркивается рубежность эпох, но время личное и историческое сошлись в герое. Его «story» главенствует над «history» [Голенко 2013], однако он сам — часть этой «history». И если в процессе (и результате) мифологизации должен присутствовать художественный вымысел, то здесь мы видим, с одной стороны, процесс овеществления мифа, а с другой, обретение им бытийных признаков. Этому способствует наличие в художественной ткани рассказа надвременного плана — толстовской линии.

Образ Толстого так или иначе присутствует в каждом из элементов композиции. В экспозиции чтению героем «Войны и мира» посвящен целый фрагмент текста, где мир бытовой органично соединён с художественным: «С затрёпанным томом я пошёл на кухню, набил карманы джинсов грецкими орехами и отправился в сад, в солнце, на деревянную горячую скамейку. Я переворачивал страницу и раскалывал по ореху. Пьер Безухов в захваченной Москве, Наполеон как Антихрист, ожидание французской пули, знакомство с Платоном Каратаевым <...> Читая, выедаю орех из осколков, я постепенно пришёл в такой нежный транс, в причудливое очарование такое, что неожиданно почувствовал себя другим» [Шаргунов 2018]. Примечательно, что «инаковость» героя связана с постижением им многомерности толстовского произведения. Учитывая, что «субъективность перцепции предопределяет особую роль индивидуального в авторской картине мира» [Щирова 2018], можно сделать вывод о своеобразии видения автобиографическим героем Шаргунова действительности. Толстовская

линия, эта устойчивая единица повествования, связана не с событиями, а с осмыслением героем всего происшедшего с ним в последнее лето СССР. Отсылки к образу писателя по своей глубине разные («Невидимый Лев Толстой почесал бороду», «... толкнул в грудь, отрицая толстовство...», «Простой, как Лев Толстой...» [Шаргунов 2018]), но важно то, что открывается герою: «... все слова и мысли на свете связаны» [Шаргунов 2018]. Это и есть надвременный уровень, связывающий биографического героя, историческое время и писателя, стремящегося к слиянию личного и вечного.

Выводы

Анализируя «семейно-мемуарную» прозу конца XX века, Т. А. Рытова пишет, что «преодоление энтропии духа по-прежнему связывается с выходом за пределы личного, частного времени включением своего жизненного пути в поток истории» [Рытова 2004]. Это заключение справедливо как для исследуемого ею творчества В. Катаева, С. Довлатова, А. Чудакова, так и для автобиографической прозы С. Шаргунова. Автобиографизм «Книги без фотографий» становится для героя отправной точкой для осмысления себя в мире, и в сборнике «Свои» мир расширяется, ломая биографические границы. Это устойчивый признак автобиографических произведений современного периода развития словесности: «Автобиографический дискурс, безусловно, имеет свои особенности, собственную модель, в которой преломляется не только внешний мир, но и внутренний, создается соотношение субъективной и объективной истории» [Волошина 2014]. В рассказе «Последнее лето СССР» и некоторых других, составляющих сборник «Свои», это соотношение устанавливается с помощью объединения нескольких временных пластов — универсального, личного, исторического и надвременного.

Своеобразие категории времени в автобиографических произведениях С. Шаргунова влияет и на определение их жанровой принадлежности, поскольку «... художественное время как часть хронотопа является одним из жанроформирующих факторов» [Ковалева 2016]. Этот вопрос

можно назвать перспективой исследования автобиографического дискурса писателя.

Ретроспективность некоторых произведений С. Шаргунова не отказ от «жизнестроительных стратегий» [Ковтун 2017] новых реалистов, а создание «текста жизни» [Ковтун 2017] не только здесь и сейчас, но и от сегодня к завтра. Похожие интонации встречаем в «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина: «...ощущенья России и того, что она моя родина <...>, ощущенья связи с былым, далеким, общим, всегда расширяющим нашу душу, наше личное существование, напоминаям нашу причастность к этому общему...» [Бунин 1929]. На этом пути автору важно расставить акценты между «я» и «остальной мир», не потерять «мир как смысл» [Татаринев 2011]. Многоуровневая структура категории времени в автобиографических произведениях С. Шаргунова этому помогает.

ИСТОЧНИКИ

- Бунин 1929 — Бунин И. А. *Жизнь Арсеньева. Рассказы*. М.: Советская Россия, 2019.
- Шаргунов 2011 — Шаргунов С. *Книга без фотографий*. М.: Альпина Диджитал, 2011.
- Шаргунов 2018 — Шаргунов С. *Свои*. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.
- Шаргунов 2019 — Шаргунов С. Точность аукается с вечностью. *Независимая газета*. 2019, 24 апреля.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- Литературная энциклопедия 1935 — Литературная энциклопедия. В 11 т. Т. 9. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1935.
- Поэтика 2008 — *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008.

ЛИТЕРАТУРА

- Богатырева 2014 — Богатырева А. И. Автобиографизм в творчестве «новых реалистов» (на примере З. Прилепина, С. Шаргунова). *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015, (14): 74–82.
- Волошина 2014 — Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2014, (2): 267–273.
- Голенко 2013 — Голенко Ж. А. Каждый текст — автобиография. Вопрос лишь — какая? *Вопросы литературы*. 2013, (1): 435–453.
- Демидов 2018 — Демидов О. *Все – свои*. Национальный бестселлер. 2018. URL: <http://www.natsbest.ru/award/2018/>

review/vse---svoi/ (дата обращения — 15 июля 2022 г.)

Ковалева 2016 — Ковалева Т.Н. Типы художественного времени и их роль в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». *Проблемы исторической поэтики*. 2016, (14): 361–383.

Ковтун 2017 — Ковтун Н.В. Историоризация мифа: от благословенной Матеры к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина). *Гуманитарные исследования*. 2017, (4): 81–87.

Кульгавчук 2020 — Кульгавчук М.В. Путь к своим. Сергей Шаргунов. *Вопросы литературы*. 2020, (4): 51–63.

Новикова 2019 — Новикова Е.О. «Новый реализм» – его авторы и герои. *Сибирский филологический форум*. 2019, (2): 45–54.

Петровичева 2018 — Петровичева М. Остановить мгновение. О новой книге Сергея Шаргунова. *Завтра.ру*. 2018, 11 июля.

Рудалев 2018 — Рудалев А. Хранитель родового эха. *Литературная газета*. 2018, (14).

Рытова 2004 — Рытова Т.А. Тексты как сопротивление энтропии времени в «семейно-мемуарной» прозе конца XX века (В. Катаев, С. Довлатов, А. Чудаков). В сб.: *Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог*. Томск: Издательство Томского университета, 2004. С. 180–200.

Рябчикова 2014 — Рябчикова А. Это он — Лев Рубинштейн. *Прочтение*. 2014, 19 февраля.

Селеменова 2019 — Селеменова М.В. Тема русского бунта в творчестве Сергея Шаргунова. В сб.: *Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIV международной научной конференции*. СПб.: Издательство Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2019. С. 258–269.

Татаринов 2012 — Татаринов А. В. Автобиографический дискурс в современной русской прозе. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2012, (1): 94–97.

Щирова 2018 — Щирова И.А., Гончарова Е.А. *Многомерность текста: понимание и интерпретация*. СПб. Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 136.

SOURCES

Бунин 1929 — Bunin I. A. *Life of Arseniev. Stories*. M.: Soviet Russia, 1919. (In Russian)

Шаргунов 2011 — Shargunov S. *A book without photographs*. Moscow: Alpina Digital, 2011. (In Russian)

Шаргунов 2018 — Shargunov S. *Own*. M.: AST Publishing House: Edited by Elena Shubina, 2018. (In Russian)

Шаргунов 2019 — Shargunov S. Accuracy echo of eternity. *Nezavisimaia gazeta*. April 24, 2019. (In Russian)

DICTIONARIES AND REFERENCES

Литературная энциклопедия 1935 — *Literary Encyclopedia*: In 11 vols. Vol. 9. Moscow: Sovetskaia enciklopedia Publ., 1935. (In Russian)

Поэтика 2008 — *Poetics: a dictionary of actual terms and concepts*. Moscow: Kulagina Publ.; Intrada Publ., 2008. (In Russian)

REFERENCES

Богатырева 2014 — Bogatyreva A.I. Autobiography in the work of the «new realists» (on the example of Z. Prilepin, S. Shargunov). *Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2015, (14): 74–82. (In Russian)

Волошина 2014 — Voloshina S.V. Autobiographical discourse as an object of linguistic analysis. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2014, (2): 267–273. (In Russian)

Голенко 2013 — Golenko Zh. A. Each text is an autobiography. The only question is — which one? *Voprosy literatury*. 2013, (1): 435–453. (In Russian)

Демидов 2018 — Demidov O. *They all are our. Natsional'nyi bestseller*. 2018. URL: <http://www.natsbest.ru/award/2018/review/vse---svoi/> (date of access: 15.07.2022) (In Russian)

Ковалева 2016 — Kovaleva T.N. Types of artistic time and their role in the novel by I. A. Bunin «The Life of Arseniev». *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2016, (14): 361–383. (In Russian)

Ковтун 2017 — Kovtun N.V. Historicization of the myth: from the blessed Matora to Pylevo... (about the author's dialogue between V. Rasputin and R. Senchin). *Gumanitarnye issledovaniia*. 2017, (4): 81–87. (In Russian)

Кульгавчук 2020 — Kul'gavchuk M. V. The path to ours. Sergei Shargunov. *Voprosy literatury*. 2020, (4): 51–63. (In Russian)

Новикова 2019 — Novikova E. O. «New Realism» — its authors and heroes. *Sibirskii filologicheskii forum*. 2019, (2): 45–54. (In Russian)

Петровичева 2018 — Petrovicheva M. Stop a moment. About the new book by Sergei Shargunov. *Zavtra.ru*. 2018, 11.07. (In Russian)

Рудалев 2018 — Rudalev A. Ancestral Echo Keeper. *Literaturnaia gazeta*. 2018, (14). (In Russian)

Рытова 2004 — Rytova T.A. Texts as resistance to the entropy of time in «family-memoir» prose of the late 20th century (V. Kataev, S. Dovlatov, A. Chudakov). In: *Russkaia literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2004. P. 180–200. (In Russian)

Рябчикова 2014 — Riabchikova A. This is a Lev Rubinstein. *Prochtenie*. 2014, 19.02. (In Russian)

Селеменова 2019 — Selemeneva M.V. The theme of Russian rebellion in the work of Sergei Shargunov. In: *Pushkinskie chteniia — 2019. Khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXIV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. SSt. Petersburg: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 2019. P. 258–269. (In Russian)

Татаринов 2012 — Tatarinov A. V. Autobiographical discourse in modern Russian prose. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2012, (1): 94–97. (In Russian)

Щирова 2018 — Shchirova I.A., Goncharova E.A. *Multidimensional text: understanding and interpretation*. St. Petersburg. Izd-vo RPGU im. A. I. Gertsena, 2018. P. 136. (In Russian)